

С. В. ЛОБАНОВЪ
ПРОФЕССОРЪ ТОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВРАЧИ и МЕДИЦИНА

ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Не бойся болѣзни, бойся леченія...

Л. Н. Толстой.

ТОМСКЪ.
Типографія Губернскаго Управленія.
1912.

Въ произведеніяхъ Л. Н. Толстого мы находимъ описаніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ человѣческой жизни, выраженіе взглядовъ его на самыя разнообразныя вопросы жизни, морали, религіи. . .

Въ очень многихъ своихъ произведеніяхъ Толстой говоритъ о болѣзни и смерти, о врачахъ и медицинѣ. Онъ говоритъ объ этомъ или устами своихъ героевъ, которые страдали отъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ и искали помощи у врачей и въ медицинѣ, или—отъ себя лично: беллетристическія и философскія сочиненія Толстого даютъ достаточный матеріалъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе, какъ смотрѣлъ Толстой на эти вопросы.

Мы ставимъ себѣ задачей, выбрать изъ сочиненій Толстого тѣ мѣста, гдѣ говорится о врачахъ и медицинѣ, сгруппировать его взгляды на этотъ предметъ и дать имъ усиленную оцѣнку и объясненіе.

I.

Въ сочиненіяхъ Толстого, гдѣ описываются военныя дѣйствія („*Война и Миръ*“, „*Севастополь*“), есть указанія, какъ дѣлались перевязки раненымъ, въ какомъ положеніи находились военные госпитали, какое производили они впечатлѣніе на посѣщавшихъ ихъ и т. под.

Вотъ, перевязка раненаго князя Андрея на Бородинскомъ сраженіи:

„Ополченцы принесли князя Андрея къ лѣсу, гдѣ стояли фуры и гдѣ былъ перевязочный пунктъ. . . .

Раненые, ожидая у палатки своей очереди, хрипѣли, стонали, плакали, кричали, ругались, просили водки, нѣкоторые бредили... Князя Андрея, какъ полковаго командира, шагая черезъ неперевязанныхъ раненыхъ, принесли ближе къ одной изъ палатокъ и остановились, ожидая приказанія...

Одинъ изъ докторовъ, въ окровавленномъ фартукѣ и съ окровавленными, небольшими руками, въ одной изъ которыхъ онъ между мизинцемъ и большимъ пальцемъ (чтобы не запачкать) держалъ сигару, вышелъ изъ палатки.

— Ну, сейчасъ,—сказалъ онъ на слова фельдшера, указавшаго ему на князя Андрея, и велѣлъ нести его въ палатку

Въ толпѣ ожидавшихъ раненыхъ поднялся ропотъ.

— Видно и на томъ свѣтѣ господамъ однимъ жить,—проговорилъ одинъ“.

Далѣе описываются операціи, невольнымъ зрителемъ которыхъ сдѣлался князь Андрей, дожидаясь, когда очередь дойдетъ до него.

„Докторъ подошелъ къ князю Андрею.... низко нагнулся надъ раной, опцуналъ ее и тяжело вздохнулъ. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ кому-то. И мучительная боль внутри живота заставила князя потерять сознание. Когда онъ очнулся, разбитыя кости бедра были вынуты, клоки мяса отрѣзаны, и рана перевязана. Ему прыскали въ лицо водой. Какъ только князь открылъ глаза, докторъ нагнулся надъ нимъ, молча поцѣловалъ его въ губы и поспѣшно отошелъ“.

Послѣ Фридрихсбургскаго сраженія Ростовъ посѣщаетъ военный госпиталь въ одномъ маленькомъ прусскомъ мѣстечкѣ.

„Какъ только Ростовъ вошелъ въ двери дома, его обхватилъ запахъ гнѣющаго тѣла и больницы. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ военного русскаго доктора съ фельдшеромъ.

— „Вы зачѣмъ? спросилъ его докторъ. „Нли пуля васъ не брала, такъ вы тифу набратъся хотите? Тутъ, батюшка, домъ прокаженныхъ... Тифъ.. Кто не взойдетъ—смерть. Только мы двое съ Мокеевымъ (фельдшеромъ) тутъ треплемся. Тутъ ужъ нашего брата, докторовъ, человекъ пять перемерло. Какъ поступить повѣнкій, черезъ недѣлку готовъ“,—съ видимымъ удовольствіемъ, сказалъ докторъ;—„прусскихъ докторовъ вызывали, такъ не любятъ союзники-то наши... Не ходите батюшка, а то какъ-бы сами тутъ не остались!“

Но Ростовъ вошелъ въ госпиталь отыскивать маіора Денисова и увидѣлъ всю неприглядную обстановку и порядки его.

Страничка изъ разсказа „Севастополь“:

„Вы входите въ большую залу Собранія. Только что вы отворили дверь, видъ и запахъ 40 или 50 ампутаціонныхъ и самыхъ тяжело-раненыхъ больныхъ, однихъ на койкахъ, большею частью, на полу, вдругъ поражаетъ васъ. Не вѣрьте чувству, которое удерживаетъ васъ на порогѣ залы—это дурное чувство: идите впередъ, не стыдитесь того, что вы какъ будто пришли *смотреть* на страдальцевъ, не стыдитесь подойти и поговорить съ ними: несчастные любятъ видѣть чело-вѣческое, сочувствующее лицо, любятъ разсказать про свои страданія и услышать слово любви и участія.

— Ты куда раненъ? спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного стараго пехудалаго солдата. Я говорю: робко

спрашиваете, потому что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокое уваженіе къ тому, кто переноситъ ихъ.

Солдатъ, раненый въ ногу, у котораго нога отнята выше колѣна, говорить, что ему не было больно ни во время раненія, ни при операціи, и прибавляетъ:

„Оно первое дѣло, не думать ничего: Какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больше оттого, что думаетъ человѣкъ“.

Въ это время подходитъ жена солдата, вмѣшиваясь въ разговоръ и рассказываетъ про его страданія....

„Загляните въ комнату, гдѣ доктора дѣлають операціи и перевязки. Доктора заняты *отвратительнымъ, но благотѣльнымъ дѣломъ ампутацій*. Тамъ вы увидите войну не въ правильномъ, красивомъ и блестящемъ строѣ, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну въ настоящемъ ея выраженіи—въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти.

Выходя изъ этого дома страданій, вы непременно испытываете отрадное чувство, полнѣе вдохнете въ себя свѣжій воздухъ, почувствуете удовольствіе въ сознаніи своего здоровья, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ созерцаніи этихъ страданій почерпнете сознаніе своего ничтожества и спокойно, безъ нерѣшимости пойдете на бастионы“.

Наканунѣ Бородинскаго сраженія „одинъ изъ пачальствовавшихъ докторовъ въ арміи“ говорилъ Пьеру:

„Вѣдь у насъ какъ?... завтра сраженіе; на сто тысячъ войска малымъ числомъ 20 тыс. раненыхъ считать надо; а у насъ ни носилокъ, ни коекъ, ни фельдшеровъ, ни лѣкарей на шесть тысячъ нѣтъ; 10 тысячъ телѣгъ есть, да вѣдь нужно и другое; какъ хочешь, такъ и дѣлай“...

Если вспомнить состояніе медицины 100 и 50 лѣтъ тому назадъ, медицины, не знавшей еще обезболивающихъ средствъ и обеззараживающаго способа леченія ранъ, намъ станутъ понятны тѣ мученія, которыя испыталь князь Андрей во время перевязки, и тѣ ужасы, которые увидалъ Ростовъ при посѣщеніи полевого госпиталя.

Изображено это у Толстого и правдиво и художественно.

II.

Многіе изъ героевъ Толстого не вѣрили и не признавали научной медицины.

— Я не вѣрю въ медицину,—говорить Левинъ.

— „Князь Щербацкій, какъ пожившій неглуный и небольшой человекъ“, не вѣрилъ въ медицину.

— Князь Николай Андреевичъ смѣялся надъ медициной.

— Наташа утверждала, что никакія лѣкарства не вылечатъ ее, и что все это глупости.

— Въ „*Плодахъ Просвѣщенія*“ 3-ій мужикъ высказывается такъ:

— „А я думаю, пустое все. Какъ у меня тады нога прѣла. Лѣчилъ, лѣчилъ, скажемъ, рублей пять пролѣчилъ. Бросилъ лѣчить, а она и зажила“.

— Я знаю, что никто помочь не можетъ, коли натура не поможетъ,—высказывалъ свою мысль князь Андрей.

— Богъ помилуетъ, никогда дохтура не пужно,—была убѣждена няня Савишна.

— Наканунѣ Бородинскаго сраженія у Наполеона былъ насморкъ.

— Этотъ насморкъ надоѣлъ мнѣ, говорилъ онъ своему адъютанту Рауу.

„Они (т. е. врачи) толкуютъ про медицину. Какая медицина, когда они не могутъ вылѣчить насморка. Корвизаръ *) далъ мнѣ пастилки, но они ничего не помогаютъ. Что они могутъ лѣчить? Лѣчить нельзя. Наше тѣло есть машина для жизни. Оно для этого устроено. Оставьте въ немъ жизнь въ покоѣ, пускай она сама защищается—она больше сдѣлаетъ одна, чѣмъ когда вы ей будете мѣшать лѣкарствами. Наше тѣло подобно часамъ, которые должны идти извѣстное время... Наше тѣло есть машина для жизни, вотъ и все“...

И эти люди, не вѣрившіе въ медицину, когда заболѣвали сами или близкіе имъ люди, сейчасъ же обращались къ врачамъ и искали помощи и спасенія въ медицинѣ.

Это явленіе наблюдается нерѣдко: многіе отрицаютъ медицину, бранятъ врачей, пока здоровы, но лишь только заболѣваютъ, сейчасъ-же бѣгутъ къ врачу; пройдетъ болѣзнь, опять начинаютъ по-прежнему скептически относиться къ медицинѣ, неодобрительно къ врачамъ...

Вспомнимъ хотя-бы роды Кити, и въ какомъ состояніи былъ въ это время ея мужъ Левинъ, который говорилъ раньше, что онъ не вѣритъ въ медицину.

Когда начались роды рано утромъ, Левинъ рѣшилъ сейчасъ ѣхать за докторомъ. Не дождавшись, когда приготовить лошадь, „чувствуя въ себѣ особенное напряженіе и физиче-

*) Корвизаръ, профессоръ медицины въ Collège de France, основатель медицинской клиники въ парижскомъ факультетѣ.

екихъ силъ и вниманіе къ тому, что предстояло дѣлать, чтобы не потерять ни одной минуты“, онъ пошелъ рѣшкомъ. Докторъ, конечно, еще спалъ а лакей чистилъ ламповыя стекла и казался очень занятъ этимъ. Эта внимательность лакея къ стекламъ и равнодушіе къ совершавшемуся у Левина сначала изумили его, но тотчасъ одумавшись, онъ понялъ, что никто не знаетъ и не обязанъ знать его чувствъ и что тѣмъ болѣе надо дѣйствовать спокойно, чтобы пробить эту стѣну равнодушія... Левинъ рѣшилъ ѣхать въ аптеку, потомъ вернуться къ доктору и, если онъ еще не встанетъ, „подкупивъ лакея или насильно, если тотъ не согласится, будить доктора во что бы то ни стало“.

„Въ аптеку художавый провизоръ съ тѣмъ-же равнодушіемъ, съ какимъ лакей чистилъ стекла, печаталъ облаткой порошки для дождавагнаго кучера и отказалъ Левину въ опіумѣ. Стараясь не торопиться и не горячиться, назвавъ имена доктора и акушерки и объяснивъ для чего нуженъ опіумъ, Левинъ сталъ убаждать его. Провизоръ... досталъ пузырекъ, воронку, медленно отлилъ изъ большого въ маленькій, наклеилъ ярлычекъ и хотѣлъ еще завертывать. Этого Левинъ уже не могъ выдержать; онъ рѣшительно вырвалъ у него изъ рукъ пузырекъ и побѣжалъ... Докторъ еще не вставалъ, и лакей, занятый теперь постилкой ковра, отказался будить. Левинъ, не торопясь, досталъ десятирублевую бумажку и, медленно выговаривая слова, но и не теряя времени, подаль ему бумажку и объяснилъ, что Петръ Дмитріевичъ (какъ великъ и значителенъ казался теперь Левину прежній столь неважный Петръ Дмитріевичъ!) общалъ быть во всякое время, что онъ навѣрно не разсердится и потому, чтобы онъ будилъ сейчасъ. Лакей согласился... Прошло минуты три: Левину казалось, что прошло больше часа. Онъ не могъ болѣе дожидаться.

— Петръ Дмитріевичъ! умоляющимъ голосомъ заговорилъ онъ въ отворенную дверь. Ради Бога, простите меня. Примите меня, какъ есть. Уже болѣе двухъ часовъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ голосъ, и Левинъ съ изумленіемъ слышалъ, что докторъ говорилъ улыбаясь...

Прошло еще двѣ минуты, пока докторъ надѣвалъ сапоги, и еще двѣ минуты, пока докторъ надѣвалъ платье и чесалъ голову.

— Петръ Дмитріевичъ! жалостнымъ голосомъ началъ было опять Левинъ, но въ это время вышелъ докторъ, одѣтый и причесанный. „Нѣтъ совѣсти у этихъ людей“—подумалъ Левинъ. „Чесаться, пока мы погибаетъ!“

— Доброе утро! подавая руку и точно дразня его своим спокойствіемъ, сказалъ ему докторъ.— Не торопитесь. Ну-съ?

Стараясь какъ можно быть обстоятельныѣе, Левинъ началъ рассказывать всѣ ненужныя подробности о положеніи жены, безпрестанно перебивая свой рассказъ просьбами, чтобы докторъ сейчасъ-же съ нимъ поѣхалъ.

— Да вы не торопитесь. Вѣдь вы не знаете. Я не нуженъ навѣрное, но я общаюсь и, пожалуй, приѣду. По слѣху итъ. Вы садитесь, пожалуйста; не угодно-ли кофею?

Левинъ посмотрѣлъ на него, спрашивая взглядомъ, смѣется ли онъ надъ нимъ. Но докторъ и не думалъ смѣяться.

— Знаю-съ, знаю,—сказалъ докторъ, улыбаясь,—я самъ семейный человѣкъ; но мы, мужья, въ эти минуты самые жалкіе люди. У меня есть пациентка, такъ ее мужъ при этомъ всегда убѣгаетъ въ конюшню.

— Но какъ вы думаете, Петръ Дмитриевичъ? Вы думаете, что можетъ быть благополучно?

— Всѣ данныя за благополучный исходъ.

— Такъ вы сейчасъ приѣдете?—сказалъ Левинъ, со злобою глядя на слугу, вносявшаго кофеи.

— Черезъ часикъ.

— Итъ, ради Бога!

— Ну, такъ дайте кофею напьюсь.

Докторъ взялся за кофеи. Оба помолчали.

— Однако, турокъ-то быють рѣшительно. Вы читали вчерашнюю телеграмму?—сказалъ докторъ, пережевывая булку.

— Итъ, я не могу! сказалъ Левинъ, вскакивая.— Такъ черезъ четверть часа вы будете?

— Черезъ полчаса.

— Честное слово?

Докторъ приѣхалъ и долго дожидаль у Левиныхъ, когда понадобятся его услуги. Все прошло благополучно.

Нѣкоторые лица, изображенныя у Толстого, не вѣрятъ въ научную медицину, а отдають предпочтеніе простому леченію у не-врачей, считая, что послѣдніе вѣрнѣе могутъ помочь и вылечить.

Въ рассказѣ „Три смерти“ священникъ, призванный напутствовать умирающую барыню, рассказывалъ, что въ его приходѣ одного больного простой мѣщанинъ вылечилъ травами въ короткое время и совѣтывалъ испытать: „по крайней мѣрѣ утѣшеніе для больной было-бы“. Послѣ этого больная говорила мужу:

— „Доктора ничего не знают; есть простые лѣкарки, онѣ вылѣчиваютъ, пошли за ними. Вотъ батюшка говорить“...

Въ тотъ-же вечеръ больная умерла.

Въ разсказѣ „*Казакъ*“ на предложеніе Оленина прислать Лукашкѣ доктора дядя Ершика отвѣчаетъ:

— „... Вашихъ-то русскихъ (т. е. докторовъ), я-бы давно перевѣшивать, кабы царь былъ. Только рѣзать и умѣютъ. Такъ-то нашего казака Баклашева не человѣкомъ сдѣлали: погу отрѣзали. Стало дураки! На что теперь Баклашеви годится? Пѣтъ, отецъ мой, въ *гораздъ дохтура есть настояще*. Такъ-то Ворника, няню моего, въ походѣ ранили въ это мѣсто въ грудь, такъ дохтура ваши отказались, а изъ горъ прѣхали Санбѣ—вылѣчили. Травы, отецъ мой знаютъ... Кабы ваши лѣчили, такъ казаки да чеченцы къ вамъ-бы лѣчиться ѣздили, а то ваши офицеры, да полковники изъ горъ дохтуровъ выписывали. У васъ *фальшь, одна все фальшь*“.

Самъ Толстой, повидимому, раздѣляетъ взглядъ, что леченіе иногда не только не полезно, но можетъ быть даже вредно.

— Пьеръ Безуховъ заболѣлъ и пролежалъ три мѣсяца; съ нимъ сдѣлалась, какъ говорили доктора, желчная горячка. *Не смотря на то*, пишетъ Толстой, что доктора лѣчили его, пускали кровь и давали пить лѣкарства, *онъ все-таки выздоровѣлъ*.

— „*Но смотря на большое количество проглоченныхъ пилюль, капель и порошковъ изъ баночекъ и коробочекъ... молодость брала свое*... и Наташа стала физически оправляться“.

Я не вѣрю въ медицину! Медицина безсильна! Врачи—пелѣнды! Лучше лечиться у эмпириковъ, у недипломированныхъ врачей!—такія мнѣнія перѣдко высказываются въ нашемъ обществѣ. При этомъ, факты, которые приводятся въ защиту этихъ мнѣній, не всегда выдерживаютъ даже самую снисходительную критику.

Не смотря на... леченіе, докторовъ, лекарства,—больной поправился. Эти фразы стали ходячими эниграммами и остроуміями на врачей и медицину. Врачи и... тенци—нескончаемыя темы для юмористики!

Князь Андрей отрицать медицину еще съ другой точки зрѣнія:

— Больницы, лекарства.. У него ударъ, онъ умираетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылѣчилъ—онъ калѣкой будетъ ходить десять лѣтъ всѣмъ въ тягость. Гораздо покойнѣе и проще

ему умереть. Другіе родятся, и такъ ихъ много. Ежели-бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ, -- какъ я смотрю на него, а то ты изъ любви же къ нему его хочешь лѣчить. А ему этого не нужно. Да и потомъ, что за воображеніе, что медицина когонибудь, и когда-нибудь вылѣчивала! Убивать-такъ!..

— Ахъ, это ужасно! сказалъ Пьеръ. — Я не понимаю только, какъ можно жить съ такими мыслями.

Еще за 4 вѣка до Р. Х. греческіе врачи приносили присягу — „никому не давать смертельнаго яда и никому въ такомъ намѣреніе не оказывать поддержки“.

Въ 19 вѣкѣ послѣ Р. Х. одинъ изъ представителей наиболѣе образовавшаго слоя общества высказывается такъ, что еще предусматрѣлъ Гиппократъ, запрещая это врачамъ.

Левинъ разговариваетъ съ братомъ о земской дѣятельности. Братъ говоритъ:

— Ты находишь неважнымъ, что тотъ народъ, который ты любишь.... мретъ безъ помощи, грубые бабки замариваютъ дѣтей, народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ.

— Я не вижу, чтобы можно было....

-- Дать врачебную помощь? подсказалъ братъ.

— Нельзя, какъ мнѣ кажется... На четыре тысячи квадратныхъ верстъ нашего уѣзда, съ нашими зазорами, метелями, рабочею порой, я не вижу возможности дать повсемѣстно врачебную помощь. Да и вообще не вѣрю въ медицину“.

Не мало лѣтъ прошло послѣ этого разговора Левина, разочаровавшагося въ земской дѣятельности.

Что сдѣлала за это время земская медицина, было-бы долго распространяться, если-бы мы хотѣли доказать неправильность мнѣнія Левина.

Въ прошломъ (1911) году на международной гигиенической выставкѣ въ Дрезденѣ въ русскомъ павильонѣ въ отдѣлѣ „земская медицина“ рядъ картограммъ, диаграммъ, фотографій, кривыхъ и проч. могъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Д-ръ Френкель, давая краткое описаніе этой выставки, въ „Общественномъ Врачѣ“, писалъ: „нѣмецкіе врачи, представили прессы и простые обыватели постоянно интересуются сущностью и объемомъ дѣятельности этой (т. е. земской) для нихъ совершенно незнакомой организаціи... Японскій комисаръ проф. Такаки прямо пришелъ изучать экспонаты земскаго отдѣла, заявивъ, что онъ считалъ бы въ высшей степе-

ни важнымъ и желательнымъ зарожденіе подобной же организаціи и у себя на родинѣ“.

Если-бы земскіе дѣятели встали на точку зрѣнія Левина, трудно себя представить, въ какомъ-бы положеніи находилось сейчасъ дѣло врачебной помощи народу.

По счастью, это не такъ!

Въ „*Утрѣ Помѣщика*“ Пеклодовъ спрашиваетъ бабу: „что ты больна?“.

— Все вотъ тутъ не пускаетъ меня, да и шабантъ“, — отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь.

— Отчего-же ты... больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена.

Да недосугъ все, кормилецъ: и на барищину, и дома и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое!

Левинъ рассказывалъ Свѣяжскому:

— „Я третьяго дня встрѣтилъ бабу съ груднымъ ребенкомъ и спросилъ ее, куда она идетъ. Она говоритъ: къ бабкѣ ходила, на мальчика крикса напала, такъ носила лѣчить. Я спросилъ: какъ бабка лѣчила криксу? Ребеночка къ курамъ на напешть сажаетъ и приговариваетъ что-то!...“

Недосугъ все! Дѣло наше одинокое!—такіе отвѣты и теперь часто приходится слышать врачамъ, когда они спрашиваютъ, почему больной не приходилъ или не идетъ въ больницу. Барщины, правда, теперь нѣтъ, но есть много другихъ дѣлъ и причинъ, почему недосугъ лечиться!

Что же касается бабушекъ и ихъ леченія криксы и другихъ болѣзней подобнымъ же способомъ, то онѣ не перевелись до сихъ поръ и, вѣроятно, долго еще будутъ заниматься своей дѣятельностью къ удовольствію противниковъ научной медицины и вреду народнаго здоровья.

Но виноваты-ли въ этомъ врачи?..

III.

Какъ лечились больные Толстого у врачей, какъ относились они къ врачамъ, и какъ врачи относились къ нимъ, объ этомъ наиболее подробно узнаемъ изъ разсказа „*Смерть Ивана Ильича*“ и описанія болѣзни Кити въ „*Аннѣ Карениной*“ и Наташи въ „*Войнѣ и Мирѣ*“.

Чѣмъ былъ боленъ Иванъ Ильичъ, осталось невыясненнымъ: діагнозъ его болѣзни, какъ говорятъ, врачами не былъ установленъ.

Устраиваясь въ своей новой квартирѣ, Иванъ Ильичъ влѣзъ на лѣсенку, оступился и упалъ, но, какъ сильный и ловкій человѣкъ, удержался, только бокомъ стукнулся о ручку рамы. Ушибъ поболѣлъ, но скоро прошелъ. Черезъ нѣкоторое время Иванъ Ильичъ сталъ чувствовать неловкость въ лѣвой сторонѣ живота.

Эта неловкость стала увеличиваться и переходить не въ боль еще, но въ сознаніе тяжести постоянной въ боку и въ дурное расположеніе духа. Дурное расположеніе духа, все усиливаясь и усиливаясь, стало портить устоявившіяся въ семействѣ Головиныхъ пріятность легкой и приличной жизни. Мужъ съ женой стали чаще и чаще ссориться. Сцены стали чаще... Послѣ одной такой сцены, въ которой Иванъ Ильичъ былъ особенно несправедливъ, послѣ которой онъ и при объясненіи сказалъ, что онъ точно раздражителенъ, но что это отъ болѣзни, жена сказала ему, что если онъ боленъ, то надо лѣчиться, и потребовала отъ него, чтобы онъ поѣхалъ къ знаменитому врачу.

„Онъ поѣхалъ. Все было, какъ онъ ожидать, все было такъ, какъ всегда дѣлается. И ожиданіе, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую онъ знаетъ въ себѣ въ судѣ, и постукиваніе и выслушиваніе и вопросы, требующіе опредѣленныхъ впередъ и очевидно ненужныхъ отвѣтовъ, и значительный видъ, который внушалъ, что вы, молъ, только подвергнитесь намъ, а мы все устроимъ, все однимъ манеромъ для всякаго человѣка, какого хотите.—все было точно такъ же, какъ въ судѣ. Какъ онъ въ судѣ дѣлалъ видъ надъ подсудимыми, такъ точно надъ нимъ знаменитый докторъ дѣлалъ тотъ-же видъ.

Докторъ говорилъ: то-то и то-то указывать, что у васъ внутри то-то и то-то; но если это не подтвердится по изслѣдованіямъ того-то и того-то, то у васъ надо предположить то-то и то-то. Если-же предположить то-то, тогда и т. д.

Для Ивана Ильича былъ важенъ только одинъ вопросъ: опасно-ли его положеніе или нѣтъ. Но докторъ игнорировалъ этотъ неумѣстный вопросъ. Съ точки зрѣнія доктора, вопросъ этотъ былъ праздный и не подлежалъ обсужденію: существовало только взвѣшиваніе вѣроятностей—блуждающей почки, хроническаго катарра и болѣзни слѣпой кишки. Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а былъ споръ между блуждающей почкой и слѣпой кишкой. И споръ этотъ въ глазахъ Ивана Ильича докторъ блестящимъ образомъ разрѣшилъ въ пользу слѣпой кишки, сдѣлавъ оговорку о томъ, что изслѣдованіе мочи можетъ дать новыя улики и что тогда дѣло будетъ пересмотрѣно.

Все это было точь въ точь то же, что дѣлалъ тысячу разъ самъ Иванъ Ильичъ надъ подсудимыми такимъ блестящимъ манеромъ. Такъ же блестяще сдѣлать свое резюме докторъ, и торжествующе, весело даже, взглянулъ сверхъ очковъ на подсудимаго. Изъ резюме доктора Ив. Ильичъ вывелъ то заключеніе, что плохо, а что ему доктору, да, пожалуй, и всѣмъ, все равно, а ему плохо. И это заключеніе болѣзненно поразило Ив. Ильича, вызвавъ въ немъ чувство большой жалости къ себѣ и большой злобы на этого равнодушнаго къ такому важному вопросу доктора, но онъ ничего не сказалъ, а всталъ, положивъ деньги на столъ и, вздохнувъ, сказалъ:

— Мы, больные, вѣроятно, часто дѣлаемъ вамъ неумѣстные вопросы; вообще, это опасная болѣзнь или нѣтъ?

Докторъ строго взглянулъ на него однимъ глазомъ черезъ очки, какъ будто говоря: подсудимый, если вы не будете оставаться въ предѣлахъ ставимыхъ вопросовъ, я буду принужденъ сдѣлать распоряженіе объ удаленіи васъ изъ залы засѣданія.

— Я уже сказалъ вамъ то, что считалъ пужнымъ и удобнымъ. Дальѣйшее покажетъ изслѣдованіе. И докторъ поклонился.

Всю дорогу Ив. Ильичъ не переставая перебиралъ все, что говорилъ докторъ, стараясь всѣ эти запутанныя, неясныя, научныя слова перевести на простой языкъ и прочесть въ нихъ отвѣтъ на вопросъ: плохо—очень ли плохо мнѣ или еще ничего? И ему казалось... что очень плохо... Боль же, глухая, ноющая боль, ни на секунду не перестающая, казалось, въ связи съ неясными рѣчами доктора, получала другое, болѣе серьезное значеніе.

Онъ сталъ принимать лекарство, исполнять предписанія доктора, которыя измѣнились по случаю изслѣдованія мочи. Но тутъ какъ разъ случилось, что въ этомъ изслѣдованіи и въ томъ, что должно было послѣдовать за нимъ, вышла какая-то путаница.

До самого доктора нельзя было добраться, а выходило, что дѣлалось не то, что говорилъ ему докторъ,—или онъ забылъ, или совралъ или скрылъ отъ него что-нибудь.

Но Ив. Ильичъ все-таки точно сталъ исполнять предписанія и въ исполненіи этомъ нашелъ утѣшеніе на первое время.

Боль не уменьшалась... Ухудшало его положеніе то, что онъ читалъ медицинскія книги и совѣтывался съ докторами.

И когда онъ совѣтывался съ докторами, тогда ему казалось, что идти къ худшему и очень быстро даже. И несмотря на это, онъ постоянно совѣтывался съ докторами.

Онъ побывалъ у другой знаменитости; другая знаменитость сказала почти то-же, что и первая, но иначе поставила вопросы. И совѣтъ съ этой знаменитостью только усугубилъ сомнѣніе и страхъ Ив. Пльича.

Пріятель его пріятеля, докторъ очень хорошій, тотъ еще совѣмъ иначе опредѣлялъ болѣзнь и, несмотря на то, что обѣщалъ выздоровленіе, своими вопросами и предположеніями еще больше спуталъ Ив. Пльича и усилилъ его сомнѣніе. Гомеопать еще иначе опредѣлялъ болѣзнь и далъ лѣкарство, и Ив. Пльичъ тайно отъ всѣхъ принималъ его съ недѣлю. Но послѣ недѣли, не почувствовавъ облегченія и потерявъ довѣріе и къ прежнимъ лѣченіямъ и къ этому, пришелъ въ еще большее уныніе. Разъ знакомая дама рассказывала про исцѣленіе иконами. Ив. Пльичъ засталъ себя на томъ, что онъ внимательно прислушивался и повѣрялъ дѣйствительность факта. Этотъ случай испугалъ его. „Неужели я такъ умственно ослабѣлъ?“ сказалъ онъ себѣ. — Пустяки! Все вздоръ: не надо поддаваться мнительности, а, избравъ одного врача, строго держаться его лѣченія!..

Боль-же все усиливалась...

Онъ поѣхалъ къ пріятелю, у котораго былъ пріятель докторъ, и съ нимъ къ доктору. Онъ засталъ его дома и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

Разсматривая анатомически и фізіологически подробности о томъ, что, по мнѣнію доктора, происходило въ немъ, онъ все понималъ.

Была одна штука, маленькая штука въ слѣпой кишкѣ. Все это могло поправиться. Усилить энергію одного органа, ослабить дѣятельность другого, произойдетъ всасываніе, и все поправится...

На самомъ-же дѣлѣ не поправлялось, а дѣлалось все хуже и хуже, и боль все усиливалась.

Пріѣхалъ докторъ. „Ну что, какъ?“ Ив. Пльичъ смотритъ на доктора съ выраженіемъ вопроса: „неужели никогда не станетъ тебѣ стыдно врать? Но докторъ не хочетъ понимать вопроса. Ив. Пльичъ говорить:

— Все такъ же ужасно. Боль не проходитъ, не сдается, хоть бы что-нибудь.

— Да, вотъ вы, больные, всегда такъ. Ну-съ, теперь, какъ-жестя, я согрѣлся; даже аккуратнѣйшая Прасковья Оедоровна (жена Ив. Пльича) ничего бы не имѣла возразить противъ моей температуры. Ну-съ, здравствуйте“. И докторъ пожимаетъ руку. Откинувъ всю прежнюю игривость, докторъ начинаетъ съ серьезнымъ видомъ изслѣдовать больного, пульсъ, температуру, и начинаются постукиванья, прослушиванья.

Ив. Ильичъ знаетъ твердо и несомнѣнно, что все это вздоръ и пустой обманъ, но когда докторъ, ставъ на колѣнки, вытягивается надъ нимъ, прислоняя ухо то выше, то ниже, и дѣлаетъ надъ нимъ съ значительнѣйшимъ лицомъ разныя гимнастическія эволюціи, Ив. Ильичъ поддается этому, какъ онъ поддавался, бывало, рѣчамъ адвокатовъ, тогда какъ онъ ужъ очень хорошо знаетъ, что они все врутъ и зачѣмъ врутъ.

Жена жалуется доктору, что Ив. Ильичъ не слушается, не принимаетъ лекарства во-время, а главное, ложится въ такое положеніе, которое навѣрное вредно ему—ноги кверху.

Докторъ улыбнулся презрительно ласково: „что же, молъ, дѣлать, эти больные выдумываютъ иногда такія глупости: но можно простить“.

Оказалось, что сегодня жена пригласила знаменитаго доктора для консилиума съ обыкновеннымъ докторомъ, Михайломъ Даниловичемъ.

Пріѣхалъ знаменитый докторъ. Опять пошли выслушиванья и значительные разговоры при немъ и въ другой комнатѣ о почкѣ, о слѣпой кишкѣ и вопросы и отвѣты съ такимъ значительнымъ видомъ, что опять вмѣсто реальнаго вопроса о жизни и смерти, который уже теперь одинъ стоялъ предъ нимъ, выступилъ вопросъ о почкѣ и слѣпой кишкѣ, которыя что-то дѣлали не такъ, какъ слѣдовало...

Знаменитый докторъ простился съ серьезнымъ, но не съ безнадежнымъ видомъ. И на робкій вопросъ, который съ поднятыми къ нему блестящими страхомъ и надеждой глазами обратился Ив. Ильичъ, есть-ли возможность выздоровлѣнія, отвѣчалъ, что ручаться нельзя, но возможность есть. Взглядъ надежды, съ которымъ Ив. Ильичъ проводилъ доктора, былъ такъ жалокъ, что, увидавъ его, Просковья Осодорова даже заплакала, выходя изъ дверей кабинета, чтобы передать гонораръ знаменитому доктору.

Подъемъ духа, произведенный обнадеживаньемъ доктора, продолжался недолго.

Болѣзнь все усиливалась: черезъ двѣ недѣли послѣ консилиума Ив. Ильичъ уже не вставалъ съ постели; а еще черезъ двѣ недѣли началась агонія, продолжавшаяся 3 дня. Страданія его были ужасны. Наконецъ „онъ втянулъ въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вдоха, потянулся и умеръ“.

Какой-же выводъ сдѣлаемъ мы изъ описанія болѣзни Ив. Ильича?

Ив. Ильичъ страдалъ какою-то тяжелою, сложною болѣзнію, распознать которую не могли врачи даже знаменитые: они

не могли его ни вылечить, ни облегчить его страданія. По врачѣ, съ своей стороны, сдѣлали все, чтобы помочь ему.

Въ Пв. Пльичѣ знаменитый докторъ вызвалъ чувство большой злобы, а съ обыкновеннаго доктора онъ не спускалъ озлобленнаго взгляда.

Быль-ли онъ справедливъ, и заслуживали-ли врачи такого чувства съ его стороны?...

IV.

Кити, которой правился Вронскій, когда увидѣла, что онъ любитъ Анну Каренину, заболѣла.

„Съ приближеніемъ весны здоровье ея становилось хуже. Домашній докторъ давалъ ей рыбій жиръ, потомъ желѣзо, потомъ ляписъ, но т. к. ни то, ни другое, ни третье не помогало и т. к. онъ совѣтовалъ отъ весны уѣхать за-границу, то приглашенъ былъ знаменитый докторъ. Знаменитый докторъ, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовалъ осмотра больной. Онъ съ особымъ удовольствіемъ, казалось, настаивалъ на томъ, что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства и что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, чтобы еще не старый мужчина ощущивалъ молодую, обнаженную дѣвушку. Онъ находилъ это естественнымъ, потому что дѣлалъ это каждый день и при этомъ ничего не чувствовалъ и не думалъ, какъ ему казалось, дурного, и поэтому стыдливость въ дѣвущкѣ онъ считалъ не только остаткомъ варварства, но и оскорбленіемъ себѣ.

Надо было покориться, такъ какъ не смотря на то, что всѣ доктора учились въ одной школѣ, по одиѣмъ и тѣмъ-же книгамъ, знали одну науку, и несмотря на то, что нѣкоторые говорили, что этотъ знаменитый докторъ былъ дурной докторъ, въ домѣ княгини и въ ея кругу было признано почему-то, что этотъ знаменитый докторъ одинъ знаетъ что-то особенное и одинъ можетъ спасти Кити.

Послѣ внимательнаго осмотра и постукиванья растерянной и ошеломленной отъ стыда больной, знаменитый докторъ, старательно вымывъ свои руки, стоялъ въ гостиной и говорилъ съ княземъ. Князь хмурился, покашливая, слушая доктора. Онъ, какъ пожившій, не глупый и не больной человекъ, не вѣрилъ въ медицину и въ душѣ злился на всю эту комедію, тѣмъ болѣе, что едва-ли не онъ одинъ вполне понималъ причину болѣзни Кити... Докторъ между тѣмъ съ трудомъ удерживалъ выраженіе презрѣнія къ этому старому баричу и съ трудомъ спускался до низменности его пониманія. Онъ понималъ, что со старикомъ говорить нечего, и что глава

въ этомъ домѣ мать. Передъ нею-то онъ намѣревался разсыпать свой бисеръ.... Княгиня чувствовала себя виноватою передъ Кити...

Когда доктора остались одни, домашній врачъ робко сталъ излагать свое мнѣніе, состоящее въ томъ, что есть начало туберкулезнаго процесса, но... и т. д. Знаменитый докторъ слушалъ его и въ серединѣ его рѣчи посмотрѣлъ на свои крушныя, золотыя часы.

— Такъ,—сказалъ онъ,—Но...

Домашній врачъ замолкъ почтительно на срединѣ рѣчи.

— Опредѣлить, какъ вы знаете, начало туберкулезнаго процесса мы не можемъ; до появленія каверны нѣтъ ничего опредѣленнаго. Но подозрѣвать мы можемъ. И указанія есть: дурное питаніе, нервное возбужденіе и пр. Вопросъ стоитъ такъ: при подозрѣніи туберкулезнаго процесса, что нужно сдѣлать, чтобы поддержать питаніе?

— Но вѣдь вы знаете, тутъ всегда скрываются нравственныя, духовныя причины,—съ тонкою улыбкою позволилъ себѣ вставить домашній докторъ.

— Да, это само собою разумѣется,—отвѣчалъ знаменитый докторъ, опять взглянувъ на часы.—Виновать, что поставлень-ли Яузскій мостъ, или надо все еще кругомъ объѣзжать?—спросилъ онъ.—А! поставлень. Да, ну такъ я въ 20 минутъ могу быть. Такъ мы говорили, что вопросъ такъ поставлень: поддержать питаніе и исправить нервы. Одно въ связи съ другимъ, надо дѣйствовать на обѣ стороны круга.

— По поѣздка за-границу?—спросилъ домашній докторъ.

— Я врагъ поѣздокъ за-границу. Изволите видѣть: если есть начало туберкулезнаго процесса, чего мы знать не можемъ, то поѣздка за-границу не поможетъ. Необходимо такое средство, которое-бы поддерживало питаніе и не вредило.

И знаменитый докторъ изложилъ свой планъ лѣченія водами Соленскими, при назначеніи которыхъ главная цѣль, очевидно, состояла въ томъ, что онѣ повредить не могутъ.

Домашній докторъ внимательно и почтительно выслушалъ.

— Но въ пользу поѣздки за-границу я-бы выставилъ перемѣну привычекъ, удаленіе отъ условій, вызывающихъ воспоминанія. И потомъ.... матери хочется,—сказалъ онъ.

— А! Ну, въ этомъ случаѣ что-жъ, пускай ѣдутъ, только повредить эти иѣмеккіе шарлатаны... Надо что-бы не слушались... Ну, такъ пускай ѣдутъ.

Онъ опять взглянулъ на часы.

— О! уже пора,—и пошелъ къ двери.

Послѣ этого онъ опять изслѣдовалъ пульсъ Кити и предлагалъ ей вопросы.

— Извините, докторъ. Вы у меня по три раза, одно и то же спрашиваете! разсердилась она.

Знаменитый докторъ не обидѣлся.

Онъ передъ княгиней, какъ передъ исключительно умной женщиной, научно опредѣлялъ положеніе княжны и заключилъ наставленіемъ о томъ, какъ пить тѣ воды, которыя были не пугны. На вопросъ—ѣхать-ли за-границу?—докторъ углубился въ размышленія, какъ бы разрѣшая трудный вопросъ. Рѣшеніе наконецъ было изложено: ѣхать и не вѣрить шарлатанамъ, а во всемъ обращаться къ нему.

Какъ будто что-то веселое случилось послѣ отъѣзда доктора. Мать повеселѣла и Кити притворилась, что она повеселѣла.

— Право, я здорова, маман. Но если вы хотите ѣхать, поѣдте.

И онѣ уѣхали въ Соденъ“.

Предсказанія доктора оправдались: Кити возвратилась домой, въ Россію, излѣченная.

Что ей помогло—воды-ли, поѣздка за границу, знакомство-ли тамъ съ Варенькой, время-ли,—рѣшать не будемъ, да и трудно рѣшить.

Нельзя лишь не признать того, что глава I второй части „Анны Карениной“, гдѣ находится описаніе болѣзни Кити, представляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ этого романа по своему реально-художественному изложенію.

V.

Наташа Ростова любила князя Андрея и была его невѣстой. Въ отсутствіе его на войнѣ, она встрѣчается съ красивымъ, но безправственнымъ Анатоліемъ Курагинымъ, въ котораго и влюбляется. Она рѣшаетъ отказать Андрею. Курагинъ, подъ предлогомъ, что родители Наташи не согласятся на ея бракъ съ нимъ, хочетъ ее тайно увести.

Планъ былъ раскрытъ и Наташѣ не удалось бѣжать изъ дому. Мать дѣлаетъ ей сцену, хотя обѣщаетъ все скрыть отъ отца. Наташа расстроена и больна.

Узнаютъ, что Курагинъ женатъ.

Наташа пытается отравиться, но принятыми мѣрами спасается. Князю Андрею она отказала и послѣ всего этого сильно расхворалась.

„Она не ѣла, не спала, замѣтно худѣла, кашляла и была, какъ давали чувствовать доктора, въ опасности...”

Доктора ѣздили къ Наташѣ и отдѣльно и консилиумами, говорили много по-французки и по-нѣмецки и по-латыни, осуждали одинъ другаго, прописывали самыя разнообразныя лѣкарства отъ всѣхъ имъ извѣстныхъ болѣзней; но ни одному изъ нихъ не приходила въ голову та простая мысль, что имъ не можетъ быть извѣстна та болѣзнь, которою страдала Наташа, какъ не можетъ быть извѣстна ни одна болѣзнь, которую одержимъ живой человѣкъ; ибо каждый живой человѣкъ имѣетъ свои особенности и всегда имѣетъ особенную и свою новую, сложную, неизвѣстную медицинѣ болѣзнь, не болѣзнь легкихъ, печени, кожи, сердца, нервовъ и т. д., записанную въ медицинѣ, но болѣзнь, состоящую изъ одного изъ бесчисленныхъ соединеній страданій этихъ органовъ....

Докторъ ѣздилъ каждый день, щупалъ пульсъ, смотрѣлъ языкъ и, не обращая вниманія на ея убитое лицо, шутилъ съ нею; но за то, когда онъ выходилъ въ другую комнату, графиня поспѣшно выходила за нимъ, и онъ, принимая серьезный видъ и покачивая задумчиво головой, говорилъ, что хотя и есть опасность, онъ надѣется на дѣйствіе этого послѣдняго лѣкарства, и что надо ждать и посмотреть, что болѣзнь больше правдивая, но...

Графиня, стараясь скрыть этотъ поступокъ отъ себя и отъ доктора, всовывала ему въ руку золотой, и всякій разъ съ успокоеннымъ сердцемъ возвращалась къ больной....

Не смотря на большое количество проглоченныхъ пилюль, капель и порошковъ изъ баночекъ и коробочекъ, изъ которыхъ мадамъ Шоссъ, охотница до этихъ вещей, собрала большую коллекцію, не смотря на отсутствіе привычной, деревенской жизни, молодость брала свое: горе Наташи начало покрываться слоемъ впечатлѣній прожитой жизни, оно перестало такою мучительною болью лежать ей на сердцѣ, начинало становиться прошедшимъ, и Наташа стала физически оправляться.

Но не совсѣмъ... она была невесела, избѣгала внѣшнихъ радостей жизни (баловъ, театровъ, катанья), не смѣялась, часто плакала, не было никакой радости въ жизни; она старалась только ни кому не мѣшать, но для себя ей ничего было не нужно.

Но вотъ пріѣзжаетъ къ нимъ сосѣдка Аграфена Ивановна Бѣлова и предлагаетъ Наташѣ говѣть. Наташа съ радостью ухватилась за эту мысль.

Не смотря на запрещеніе докторовъ выходить рано утромъ, Наташа настояла на томъ, чтобы говѣть и говѣть такъ...

какъ говѣла Аграфена Ивановна, т. е. всю недѣлю, не пропуская ни одной вечерни, обѣдни или заутрени.

Графинѣ понравилось это усердіе Наташи; она въ душѣ своей, послѣ безуспѣшнаго медицинскаго лѣченія, надѣялась, что молитва поможетъ ей больше лѣкарствъ, и хотя со страхомъ и скрывая отъ доктора, но согласилась на желаніе Наташи...

Наташа стала говѣть и въ это время „испытала новое для нея чувство возможности исправленія себя отъ своихъ пороковъ и возможности новой, чистой жизни и счастья,... и это чувство росло съ каждымъ днемъ.“

Когда Наташа въ бѣломъ, кисейномъ платьѣ вернулась отъ причастія, она въ первый разъ послѣ многихъ мѣсяцевъ почувствовала себя спокойною и нетяготящеюся жизнью, которая ей предстояла.

Пріѣзжавшій въ этотъ день докторъ осмотрѣлъ Наташу и велѣлъ продолжать тѣ послѣдніе порошки, которые онъ прописалъ двѣ недѣли тому назадъ.

— Непремѣнно продолжать утромъ и вечеромъ,—сказалъ онъ, видимо самъ добросовѣстно довольный своимъ успѣхомъ.

— Только, пожалуйста, аккуратнѣе.... Очень, очень ей въ пользу послѣднее лѣкарство. Она очень посвѣжѣла.

Графиня посмотрѣла на ногти и поплевала, съ веселымъ лицомъ возвращаясь въ гостинную“.

VI

Здѣсь-же при описаніи болѣзни Наташи, мы можемъ познакомиться, какъ смотрѣлъ Л. Н. Толстой на врачей и медицину, въ чемъ видѣлъ значеніе врачей и какъ объяснялъ дѣйствіе на больныхъ медицинскаго леченія.

„Это простая мысль (т. е. что врачамъ не можетъ быть извѣстна ни одна болѣзнь человѣка, см. выше) не могла приходить докторамъ (такъ же какъ не можетъ придти колдуну въ голову мысль, что онъ не можетъ колдовать), потому что ихъ дѣло жизни состояло въ томъ, чтобы лѣчить, потому что за то они получали деньги, и потому что на это дѣло они потратили лучшіе года своей жизни. Но главное,—мысль эта не могла придти докторамъ потому, что они видѣли, что *они несомнѣнно полезны и были дѣйствительно полезны для всѣхъ домашнихъ Ростовыхъ*.* Они были полезны не потому, что

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

заставляли проглатывать большую б. ч. вредныя вещества (вредъ этотъ былъ мало чувствителенъ, потому что вредныя вещества давались въ маломъ количествѣ), но они были *полезны, необходимы, неизбежны* были (причина—почему всегда есть и будутъ мнимые излѣчители, ворожен, гомеопаты) потому, что они *удовлетворяли нравственной потребности больной и людей, любящихъ больную*. Они удовлетворяли той *вѣчной человеческой потребности сочувствія и дѣятельности, которыя испытываетъ человѣкъ во время страданія*. Они удовлетворяли той *вѣчной человеческой*—въ ребенкѣ замѣтной въ самой первобытной формѣ—*потребности потерять то мѣсто, которое ушиблено*. Ребенокъ убьется и тотчасъ же бѣжить въ руки матери, няньки, для того чтобы ему поцѣловали и потеряли больное мѣсто, и ему дѣлается легче, когда больное мѣсто потрутъ или поцѣлуютъ. Ребенокъ не вѣрить, чтобы у сильнѣйшихъ и мудрѣйшихъ его не было средства помочь его боли. И надежда на облегченіе, и выраженіе сочувствія въ то время, какъ мать третъ его шишку, утѣшаетъ его. Доктора для Наташи были полезны тѣмъ, что они *цѣловали и терли бобо, уверяя, что сейчасъ пройдетъ*, ежели кучеръ съѣздитъ въ Арбатскую аптеку и возьметъ на рубль семь гривенъ порошковъ и пилюль въ хорошенькой коробочкѣ, и ежели порошки эти непременно черезъ 2 часа, ни какъ не больше и не меньше, будетъ въ отварной водѣ принимать больная.

Что же бы дѣлали Соня, графъ и графиня, какъ-бы они смотрѣли, ничего не предпринимая, ежели-бы не было этихъ пилюль по часамъ, питья тепленькаго, куриной котлетки и всѣхъ подробностей жизни, предписанныхъ докторомъ, соблюдать которыя составляло занятіе и утѣшеніе для окружающихъ? Какъ-бы переносилъ графъ болѣзнь своей любимой дочери, ежели-бы онъ не зналъ, что ему стоила тысяча рублей болѣзнь Наташи, и что онъ не пожалѣетъ еще тысячъ, чтобы сдѣлать ей пользу; ежели-бы онъ не зналъ, что ежели она не поправится, онъ не пожалѣетъ еще тысячъ и повезетъ ее за-границу и тамъ сдѣлаетъ консилиумы; ежели-бы онъ не имѣлъ возможности рассказывать подробности о томъ, что Метивье и Феллеръ не поняли, а Фризь понялъ и Мудровъ еще лучше опредѣлилъ болѣзнь? Что-бы дѣлала графиня, ежели-бы она иногда не могла ссориться съ больной Наташей за то, что она не вполне соблюдала предписанія доктора.

— Этакъ, никогда не выздоровѣешь. говорила она, подъ досадою забывая свое горе,—ежели ты не будешь слушаться доктора и не во-время принимать лекарство! Вѣдь нельзя шутить этимъ, когда у тебя можетъ сдѣлаться пневмонія,—говорила графиня и въ произношеніи этого непонятнаго не для

нея одной слова, она уже находила большое утѣшеніе, Что бы дѣлала Соня, ежели бы у ней не было радостнаго сознанія того, что она первое время не раздѣвалась три ночи для того, чтобы быть наготовѣ исполнять въ точности все предписанія доктора, и что она теперь не спитъ ночи для того, чтобы не пропустить часы, въ которые надо давать маловредныя пилюли изъ золотой коробочки? Даже самой Паташѣ, которая хотя и говорила, что никакія лѣкарства не вылѣчатъ ея и что все это глупости, и ей—было радостно видѣть, что для нея дѣлали такъ много пожертвованій, что ей надо было въ извѣстные часы принимать лѣкарства. И даже ей радостно было то, что она, пренебрегая исполненіемъ предписаннаго, могла показать, что она не вѣритъ въ леченіе и не дорожить своею жизнью.“

Вотъ въ чемъ видить Толстой значеніе врачей для больныхъ, вотъ какъ объясняетъ дѣйствіе медицинскаго леченія!..

Врачи полезны и необходимы, потому что они удовлетворяютъ потребности сочувствія, необходимаго больному человеку, удовлетворяютъ потребности потереть ушибленное или больное мѣсто, какъ называютъ дѣти, *бобо*.

Это объясненіе Толстого не лишено своего основанія и съ нимъ, въ извѣстномъ смыслѣ, должны согласиться даже, мы, врачи.

Психическое вліяніе на больныхъ различныхъ врачебныхъ манипуляцій и личности лечащаго очень велико и имѣетъ громадное значеніе. На немъ основано леченіе вѣрой, вся психо-терапия.

Пріѣзжаетъ къ больному врачъ, осматриваетъ, прописываетъ лекарство, ободряетъ и....., какъ всемъ извѣстно, больной оживаетъ духомъ, а иногда и крѣпнетъ тѣломъ, и близкіе больного чувствуютъ себя лучше.

Врачи могутъ привести не мало примѣровъ, какъ больные выздоравливали подъ вліяніемъ леченія не-врачей, такими способами, которые оказывали дѣйствіе на психику больныхъ, вѣрившихъ и въ своихъ лечителей и въ ихъ лекарства.

Это, преимущественно, больные *безъ* органическихъ измѣненій: люди, которыхъ тѣ или иные нравственныя причины, (горе, несчастіе, неудача, потрясеніе) вывели изъ обычнаго физическаго равновѣсія, или мнимо-больные—люди, которые считаютъ себя больными, а на самомъ дѣлѣ, здоровы, какъ, дай Богъ всякому...

Больные съ *органическими* заболѣваніями нуждаются въ соотвѣтствующемъ леченіи; правда, и здѣсь психическія воз-

дѣйствія могутъ оказывать извѣстное полезное дѣйствіе; но одни они безсильны помочь больному.

Роль психическихъ вліяній на больного извѣстна издавна, въ особенности, врачамъ. Въ любомъ учебникѣ „общей терапіи“ можно прочесть объ этомъ.

„Подъ именемъ психическаго дѣйствія мы разумѣемъ дѣйствіе, оказываемое на организмъ при посредствѣ интеллектуальныхъ и моральныхъ вліяній.

Врачъ долженъ умѣть поддержать бодрость и силы больныхъ, внушить имъ довѣріе и для пользы ихъ самихъ сдѣлаться въ ихъ же глазахъ авторитетомъ. Такое вліяніе врача на больного и его окружающихъ, исполняемое честно, будетъ самою высокою ролью образованнаго человѣка. Къ несчастью, подобная роль открываетъ широкій путь шарлатанству, которое достойно только отвращенія и презрѣнія“ (*Науетъ, лекціи общей терапіи*).

— „Ребенокъ убьется и тотчасъ-же бѣжитъ въ руки матери или няньки, чтобы ему поцѣловали и потеряли больное мѣсто, и ему дѣлается легче, когда больное мѣсто потрутъ или поцѣлуютъ“—пишетъ Толстой.

А если ребенокъ убьется и сломаетъ при этомъ себѣ ногу, или вывихнетъ руку или повредитъ глазъ, тогда ему недостаточно только поцѣловать или потерять его *бобо*, а нужна рациональная медицинская помощь, чтобы перевязать ногу, вправить руку, лечить глазъ.

У Толстого Кити и Наташа поправились можетъ быть не отъ докторскихъ пилюль, порошковъ, Соденскихъ водъ: окружающая обстановка и цѣлитель—время помогли имъ справиться съ болѣзнію, которая была вызвана нравственными причинами, а не серьезными органическими измѣненіями въ ихъ организмѣ.

Ширкинская чахоточная барыня, князь Андрей, Николай Левинъ не выздоровѣли и умерли, не смотря на горячее сочувствіе къ ихъ страданіямъ, искреннее участіе и идеальный уходъ окружающихъ близкихъ имъ лицъ.

Иванъ Ильичъ тоже умеръ.

Причина та, что у этихъ лицъ были тяжелыя, органическія измѣненія, которыя требовали такого леченія, какимъ не владѣетъ наша медицина; имъ недостаточно было искренняго сочувствія окружающихъ, горячей любви близкихъ, самаго нѣжнаго, заботливаго ухода.

Сводитъ всю роль медицины къ одному психическому воздѣйствію на больного врачей, лѣкарствъ и обстановки, рѣшительно нельзя. Объективное наблюденіе надъ больными и все,

что мы знаемъ о болѣзни и дѣйствиі лѣкарствъ, краснорѣчиво говорятъ противъ того, будто медицина *только* „треть и цѣлуетъ бобо больного“ и тѣмъ для него полезна.

VII.

Въ своихъ произведеніяхъ Толстой касается двухъ весьма важныхъ вопросовъ и отношенія врачей къ этимъ вопросамъ, а именно: кормленія матерью своихъ дѣтей и нежеланія женщинъ имѣть дѣтей.

— „Наташа послѣ родовъ перваго слабаго ребенка, когда имъ пришлось перемѣнить трехъ кормилицъ, заболѣла отъ отчаянія; Пьеръ однажды сообщилъ ей мысли Руссо, съ которымъ онъ былъ совершенно согласенъ, о неестественности и вредѣ кормилицъ. Съ слѣдующимъ ребенкомъ, не смотря на противодѣйствіе матери, *докторовъ* и самаго мужа, возставшихъ противъ ея кормленія, какъ противъ вещи тогда неслыханной и вредной, она настояла на своемъ и съ тѣхъ поръ всѣхъ дѣтей кормила сама“.

— „Съ моей первой женой“,—разсказывалъ Позднышевъ въ „*Крейцеровой Сонатѣ*“,—„которая сама хотѣла кормить и кормила слѣдующихъ пятерыхъ дѣтей, случилось съ первымъ ребенкомъ нездоровье. Доктора эти, которые цинически раздѣвали и ощупывали ее вездѣ, за что я долженъ былъ ихъ благодарить и платить имъ деньги, доктора эти милые наши, что она не должна кормить, и она на первое время лишена была того единственнаго средства, которое могло избавить ее отъ кокетства“.

На сколько были правы доктора, запрещавшіе Наташѣ и Позднышевой кормить ихъ перваго ребенка, судить не беремся. Но извѣстны случаи, когда, по состоянію здоровья матери, кормленіе ею ребенка бываетъ вредно и для нея и для ребенка. Запрещая кормленіе въ этихъ случаяхъ, неужели доктора поступаютъ неправильно и заслуживаютъ осужденія?

— Докторъ очень ученый и искусный, лейбъ-медикъ королевы испанской, предписалъ Еленѣ Безуховой небольшія дозы какого то лѣкарства *для произведенія извѣстнаго дѣйствія*, но Еленъ... вдругъ приняла огромную дозу выписаннаго ей лѣкарства и умерла въ мученіяхъ прежде чѣмъ могли подать помощь. За итальянца взялись было, но онъ показалъ такіа записки отъ несчастной покойной, что его тотчасъ-же отпустили“.

Интересенъ разговоръ Анны Карениной съ Долли.

— У меня не будетъ больше дѣтей,—сказала Анна Каренина.

— Какъ же ты можешь сказать, что не будетъ?

— Не будетъ, потому что я этого не хочу...

— Миѣ докторъ сказалъ послѣ моей болѣзни

— Не можетъ быть! широко открывъ глаза, сказала Долли.

Открытие это, вдругъ объяснившее для нея всѣ тѣ непонятныя для нея прежде семьи, въ которыхъ было только по одному и по два ребенка, вызвало въ ней столько мыслей, соображеній и противорѣчивыхъ чувствъ, что она ничего не имѣла сказать и только широко-раскрытыми глазами удивленно смотрѣла на Анну. Это было то самое, о чемъ она мечтала, но теперь узнавъ, что это возможно, она ужаснулась. Она чувствовала, что это было слишкомъ простое рѣшеніе слишкомъ сложнаго вопроса.

„N'est ce pas immoral?“—только сказала она.

Позднышевъ рассказывалъ:

— „Прожили (мы съ женой) одну зиму, и въ другую зиму случилось еще слѣдующее никому незамѣтное, кажущееся ничтожнымъ обстоятельство, но такое, которое и произвело все то, что произошло.

Она была нездорова и доктора не велѣли ей рожать и научили средству. Миѣ это было отвратительно. Я боролся противъ этого, но она съ легкомысленнымъ упорствомъ настояла на своемъ и я покорился... Такъ прожили мы еще два года. Средство мерзавцевъ-докторовъ, начинало дѣйствовать: она физически раздобрѣла и похорошѣла, какъ послѣдняя красота лѣта“...

Въ статьѣ „Женщинамъ“ Толстой говорить:

„Мужчинѣ и женщинѣ данъ законъ: мужчинѣ --законъ труда, женщинѣ—законъ рожденія дѣтей... Но на моей памяти началось и отступленіе женщины отъ закона... Женщина, потерявъ законъ, повѣрила, что ея сила въ обаяніи прелести или ловкости фарисейскаго подобія умственнаго труда. А тому и другому мѣшаютъ дѣти. И вотъ, съ помощью науки, на моей памяти, сдѣлалось то, что среди богатыхъ классовъ явились десятки способовъ уничтоженія плода“.

Виноваты-ли доктора въ томъ, о чемъ говорила съ Долли Анна Каренина, и въ чемъ такъ рѣшительно обвиняетъ ихъ Позднышевъ?

Анна Каренина послѣ родовъ была тяжело больна, такъ что врачи не надѣялись на ея выздоровленіе.

Вотъ поэтому она и говоритъ Долли, что докторъ сказалъ ей послѣ болѣзни. . . . ; дальше слѣдуетъ многоточіе, и мы не знаемъ точно, что сказалъ докторъ и почему не совѣтывалъ имѣть больше дѣтей.

Анна Каренина не хотѣла, чтобы у нея были дѣти не по тѣмъ причинамъ, которыя имѣлъ въ виду докторъ, а потому что мужъ не соглашался дать ей разводъ:

— „Какъ могу я желать дѣтей?—говорила она.— „Я не говорю про страданія: я ихъ не боюсь. Подумай, кто будутъ мои дѣти? Несчастныя дѣти, которыя будутъ носить чужое имя. По самому своему рожденію они будутъ поставлены въ необходимость стыдиться матери, отца, своего рожденія... Зачѣмъ же мнѣ данъ разумъ, если я не употреблю его на то, чтобы не производить на свѣтъ несчастныхъ“? . . .

Слѣдовательно, въ нежеланіи Анны Карениной имѣть дѣтей доктора неповинны.

Неповинны они также и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Нежеланіе имѣть дѣтей и тѣ мѣры, которыя принимаются въ обществѣ для этого, стоятъ внѣ зависимости совѣтовъ или указаній врачей, внѣ зависимости отъ того, полезно или вредно для здоровья данной женщины дѣтороженіе.

Возьмите хотя-бы число выкидышей, увеличивающееся съ каждымъ годомъ; развѣ „мерзавцы-доктора“ велятъ и научаютъ этому?

Изъ сообщеній, сдѣланныхъ на послѣднемъ съѣздѣ русскихъ акушеровъ въ концѣ прошлаго года, можно узнать, что число выкидышей ежегодно — въ Германіи 400 тыс., въ Парижѣ 50 тыс., въ Нью-Йоркѣ 80 тыс. Въ клиникѣ проф. Отта въ СПБ. съ 1894 г. по 1910 г. % выкидышей увеличился въ 10 разъ, при чемъ отмѣчено, что замужнія женщины чаще прибѣгаютъ къ выкидышамъ, чѣмъ незамужнія. Въ Москвѣ въ одной изъ больницъ выкидыши составляли: въ 1900 г.—3,7%, въ 1907 г.—10,29%, а 1910 г.—19,29%. *)

Причины этого печальнаго явленія, конечно, не въ докторяхъ, а онѣ, по выраженію одного изъ докладчиковъ съезда (д-ра *Личюса*), „крайне разнообразны и укладываются въ

*) Отчетъ о съѣздѣ въ „Рус. Врачъ“ 1912 г. стр. 247 и 118.

широкія рамки, начиная съ кокетства и легкомыслія женщины и кончая условіями желѣзной необходимости.“

Въ „*Аннѣ Карениной*“ есть слѣд. интересное мѣсто.

Дарья Александровна (она-же Долли) на постояломъ дворѣ спрашиваетъ красивую молодайку, есть-ли у нея дѣти?

— Была одна дѣвочка, да развязалъ Богъ, постомъ похоронила.

— Что-жъ тебѣ очень жалко ее?

— Чего жалѣть? У старика внуковъ и такъ много. Только забота. Ни тебѣ работа, ни что. Только связа одна.

Отвѣтъ этотъ показался Дарьѣ Александровнѣ отвратителенъ, не смотря на добродушную миловидность молодайки; но потомъ она невольно вспомнила эти слова. Въ этихъ циничныхъ словахъ была и доля правды.

— Да и вообще,—думала она, оглянувшись на всю свою жизнь за эти 15 лѣтъ замужества,—беременность, тошнота, тупость ума, равнодушіе ко всему, а главное—безобразіе. Кити, молоденькая, хорошенькая Кити и та, какъ подурнѣла, а я беременная, дѣлаюсь безобразна, я знаю. Роды, страданія, безобразныя страданія, это послѣднія минута... потомъ кормленіе, эти бессонныя ночи, эти боли страшныя.

Дарья Александровна вздрогнула отъ одного воспоминанія о боли треснувшихъ сосковъ, которую она испытывала почти съ каждымъ ребенкомъ.—„Потомъ болѣзни дѣтей, этотъ страхъ вѣчный; потомъ воспоминаніе, гадкія наклонности, ученіе, латынь—все это такъ непонятно и трудно. И сверхъ всего—смерть этихъ же дѣтей...“

И все это зачѣмъ? Что-жъ будетъ изъ всего этого? То, что я, не имѣя ни минуты покоя, то беременная, то кормящая вѣчно сердитая, ворчливая, сама измученная и другихъ мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь, и вырастутъ несчастныя, дурно воспитанныя и ниція дѣти“...

Потомъ, правда, въ разговорѣ съ Анной Карениной Дарья Александровна не соглашалась съ ней и доводы Карениной, не имѣть дѣтей, были для нея не убѣдительны.

„Не безнравственно-ли это“?—сказала она.

Но вѣдь многія всю свою жизнь имѣютъ тѣ-же мысли и убѣжденія, какія пришли въ голову Дарьѣ Александровнѣ подъ вліяніемъ случайнаго разговора съ молодухой на постояломъ дворѣ.

Жена Позднышева принадлежала къ такой категоріи женщинъ, а не „мерзавцы—доктора“ сняли съ нея узду и пре-

вратили ее „въ застоявшуюся, раскормленную, запряженную лошадь, съ которой сняли узду.“

Правда, медицинская наука выработала способы уничтоженія человѣческой жизни въ утробѣ матери. Къ этому ея принудили интересы здоровья и жизни женщины.

Виновата-ли она въ томъ, что этими способами иные изъ общества и врачей пользуются не для тѣхъ цѣлей, для которыхъ эти способы предназначены?

VIII.

Какъ относились къ врачамъ отдѣльныя лица, изображенныя Толстымъ? Каково ихъ мнѣніе о врачахъ и медицинѣ? Какія стороны врача отмѣчены въ произведеніяхъ Толстого?..

— Умирающій чахоточный Николай Левинъ обвинялъ доктора, который его лечилъ, и жалѣлъ, что нѣтъ московскаго знаменитаго доктора.

„Когда братъ подаль ему банку, тотъ же взглядъ страстной надежды, съ которою онъ соборовался, устремился теперь на брата, требуя отъ него подтвержденія словъ доктора о томъ, что вдыханіе іода производитъ чудеса.“

— Вотъ этому я вѣрю, сказалъ онъ и, сжимая стеклянку костлявой рукой, сталъ дышать надъ ней“.

Въ разсказѣ „Набѣгъ“:

— „Докторъ съ одобрительною улыбкою подошелъ къ раненому прапорщику Аланину.“

— Что, видно, и вамъ сдѣлали дырочку на цѣломъ мѣстѣ?—сказалъ онъ шутливо небрежнымъ тономъ.—Покажите-ка.

— Прапорщикъ повиновался; но въ выраженіи, съ которымъ онъ взглянулъ на веселаго доктора, были удивленіе и упрекъ, которыхъ не замѣтилъ этотъ послѣдній. Онъ принялся зондировать рану и осматривать ее со всѣхъ сторонъ, но выведенный изъ терпѣнія раненый съ тяжелымъ стономъ отодвинулъ его руку.

— Оставьте меня!—сказалъ онъ чуть слышнымъ голосомъ: все равно, я умру.

И онъ дѣйствительно умеръ.“

Иванъ Ильичъ передъ смертью сильно страдалъ. Присутствіе жены и дочери раздражало его,

— „Дайте мнѣ умереть спокойно! Я скоро освобожу всѣхъ васъ отъ себя,—говорить онъ.“

Въ обычное время пріѣхалъ докторъ.

Иванъ Ильичъ отвѣчаетъ ему: да, нѣтъ, *не спуская съ него озлобленнаго взгляда*, и подь конецъ сказалъ:

— Вѣдь вы знаете, что ничего не поможете, такъ оставьте.

— Облегчить страданія можемъ,—сказалъ докторъ

— И того не можете, оставьте.“

„Знаменитый докторъ объявилъ княгинѣ, что ему нужно видѣть еще разъ больную т. е. Кити.

— Какъ, еще разъ осматривать? съ ужасомъ воскликнула мать.

— О, нѣтъ, мнѣ нужны нѣкоторыя подробности, княгиня.

И мать, сопутствуемая докторомъ, вошла въ гостиницу къ Кити. Искудавшая и румяная съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ влѣдствіе перенесеннаго стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда докторъ вошелъ, она вспыхнула и глаза ея наполнились слезами.

Вся ея болѣзнь и леченіе представились ей такою глупою, даже смѣшною вещью!

Леченіе ея представлялось ей столь-же смѣшнымъ, какъ составленіе кусковъ разбитой вазы. Сердце ея было разбито

Что-же они хотятъ лѣчить ее циліями и порошками?

— Потрудитесь присѣсть, княжна,—сказалъ знаменитый докторъ.

Онъ съ улыбкой сѣлъ противъ нея, взялъ пульсъ и опять сталъ дѣлать скучные вопросы. Она отвѣчала ему и вдругъ, *разсердившись*, встала.

— Извините меня, докторъ, но это право ни къ чему не поведетъ. Вы у меня по три раза то-же самое спрашиваете.

Знаменитый докторъ не обидѣлся и только сказалъ:

— Болѣзненное раздраженіе“...

Вотъ нѣкоторые отзывы о врачахъ, которые находимъ въ произведеніяхъ Толстого:

— „А теперь лѣчите, возите къ себѣ этихъ *шарлатановъ*“,—горячился князь Щербацкій.

— „То-то *пустобрехъ*!“,—думалъ онъ, примѣняя въ мысляхъ это названье изъ охотничьяго словаря къ знаменитому доктору и слушая болтовню о причинахъ болѣзни Кити.

— Знаменитый докторъ изложилъ свой планъ леченія водами Соденскими, при назначеніи которыхъ главная цѣль, очевидно, состояла въ томъ, что онѣ повредить не могутъ.

Кити передъ смертью брата Левина говорить:

— „Я спрашивала доктора: онъ сказалъ, что братъ не можетъ жить дольше трехъ дней. Но развѣ они могутъ знать? Все можетъ быть“.

Въ „Крейцеровой Сонатѣ“:

„Доктора утверждаютъ, что развратъ полезенъ для здоровья, они-же и учреждаютъ правильный и аккуратный развратъ. Я знаю матерей, которыя заботятся въ этомъ смыслѣ о здоровьѣ сыновей. И наука посылаетъ ихъ въ дома терпимости.

— Отчего-же наука? сказалъ я.

— Да кто-же доктора? Жрецы науки. Кто развращаетъ юношей, утверждая, что это нужно для здоровья? Они. А потомъ съ ужасной важностью лѣчатъ сифилисъ. Мужчинѣ необходимо... удовлетворять свою похоть. Опять милые жрецы науки увѣрили всѣхъ!..“

Въ „Плодахъ просвѣщенія“ мужики и Яковъ разговариваютъ о бактеріяхъ и докторяхъ:

2-ой муж. А я полагаю, пустое это (т. е. микробы).

Яковъ. Извѣстно, пустое; надо-же дохтурамъ выдумывать, а то за что бы имъ деньги платить? Вотъ къ намъ каждый день ѣздитъ. Приѣхалъ, поговорилъ—десятку.

2 ой муж. Вре?

Яковъ. А то одинъ есть такой, что сотенную.

1-ой муж. Ну, и сотенную.

Яковъ. Сотенную! Ты говоришь сотенную, по тысячѣ берутъ, коли за городъ ѣхать. Давай, говорить, тысячу, а не дашь,—издыхай себѣ.

2-ой муж. Что-жъ онъ слово какое знаетъ?

Яковъ. Должно, что знаетъ. Жилъ я прежде у генерала подъ Москвой, сердитый былъ такой, гордый—страсть, генераль-то. Такъ заболѣла у него дочка. Сейчасъ послали за этимъ. Тысячу рублей,—приѣду. Ну, сговорились, приѣхалъ. Такъ что-то не потрафили ему. Такъ, батюшки мои, какъ цыкнуть на генерала! А! говорить, такъ, такъ-то ты меня уважаешь, такъ-то? Такъ не стану-жъ лечить! Такъ куда тебѣ! Генераль то и гордость свою забылъ, всячески улещаешь. Батюшка, только не бросай!

1-ый муж. А тысячу-то отдали?

Яковъ. А то какъ-же!

2-ой муж. То-то шальные деньги-то. Что-бъ мужикъ на эти деньги надѣлалъ“!

— „Однако вы не любите докторовъ“—сказалъ я („Крейцера Соната“).

— „Тутъ не дѣло любви или нелюби. Они погубили мою жизнь, какъ они погубили и губятъ жизни тысячъ, сотенъ тысячъ людей, а я не могу не связывать слѣдствія съ причиною. Я понимаю, что имъ хочется, такъ-же какъ и адвокатамъ и другимъ, наживать деньги, и я бы охотно отдалъ имъ половину своего дохода, и каждый, если бы понималъ то, что они дѣлаютъ, охотно-бы отдалъ имъ половину своего достатка, только чтобъ они не вмѣшивались въ вашу семейную жизнь, никогда-бы близко не подходили къ вамъ. Я вѣдь не собиралъ свѣдѣній, но я знаю десятки случаевъ—ихъ пропасть! въ которыхъ они убили то ребенка въ утробѣ матери, увѣряя, что мать не можетъ разродиться, а мать потомъ рождаетъ прекрасно, то матерей подъ видомъ какихъ-то операций. Вѣдь никто не считаетъ этихъ убійствъ, какъ не считали убійствъ инквизиціи, п. ч. предполагалось, что это на благо человечества. Перечестъ нельзя преступленій, совершаемыхъ ими. Но все эти преступленія ничто въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ матеріализма, которое они вносятъ въ міръ, особенно черезъ женщинъ.“

Ужъ не говорю про то, что если только слѣдовать ихъ указаніямъ, то, благодаря заразамъ вездѣ, во всемъ. людямъ надо не идти къ единенію, а къ разъединенію; всѣмъ надо по ихъ ученію сидѣть врозь и не выпускать изо рта спринцовки съ карболовой кислотой (впрочемъ, открыли, что и она не годится). Но и это ничего. Ядъ главный въ развращеніи людей, женщинъ въ особенности.

Пырьче ужъ нельзя сказать: „ты живешь дурно, живи лучше“, нельзя этого сказать ни себѣ, ни другому. А если дурно живешь, то причина въ ненормальности нервныхъ отравленій и т. п. И надо пойти къ нимъ, и они пропишутъ на 35 коп. въ аптекѣ лѣкарства, и вы принимайте. Вы сдѣлаетесь еще хуже, тогда еще лѣкарства и еще доктора“.

Повѣсть „Поликушка“:

„Поликей былъ коноваль... Какъ онъ вдругъ сдѣлался коноваломъ, это никому не было извѣстно и еще меньше ему самому. Но... понемногу стала распространяться репутація его необычайнаго, даже нѣсколько сверхъестественнаго коновальскаго искусства. Онъ пустилъ кровь—разъ, другой, потомъ повалилъ лошадь и поковырялъ ей что то въ ляжке, потомъ

потребоваль, чтобы завели лошадь въ станокъ, и сталъ рѣзать стрѣлку до крови... и сказалъ, что это значить „спущать подкопытную кровь“. Потомъ онъ объяснилъ мужику, что необходимо бросить кровь изъ обѣихъ жилъ „для большей легкости“, и сталъ бить колотушкой по тупому ланцету; потомъ подъ брюхомъ дворниковой лошади передернулъ покромку отъ женина платка. Наконецъ, сталъ присыпать купоросомъ всякія болячки, лѣчить изъ склянки и давать иногда внутрь, что вздумается. И чѣмъ больше онъ лѣчилъ и убивалъ лошадей, тѣмъ больше ему вѣрили и тѣмъ больше водили къ нему лошадей.

— Я чувствую, пишетъ Толстой, — что нашему брату, господамъ, не совсѣмъ прилично смѣяться надъ Поликеемъ. Приемы, которые онъ употреблялъ для внушенія довѣрія, тѣ же самые, которые дѣйствовали на нашихъ отцовъ, на насъ и нашихъ дѣтей будутъ дѣйствовать. Мужикъ, брюхомъ навалившись на голову своей единственной кобылѣ, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и съ вѣрой и ужасомъ глядящій на значительно-нахмуренное лицо Поликея и его тонкія, засученныя руки, которыми онъ нарочно жметъ именно то мѣсто, которое болитъ, и смѣло рѣжетъ живое тѣло съ затаенною мыслью, „куда кривая не вывететь“, и показывая видъ, что онъ знаетъ, гдѣ кровь, гдѣ матерія, гдѣ сухая, гдѣ мокрая жила, а въ зубахъ держитъ цѣлительную, тряпку или склянку съ купоросомъ, — мужикъ этотъ не можетъ представить себѣ, чтобы у Поликея поднялась рука рѣзать не зная. Самъ онъ не могъ-бы этого сдѣлать. А какъ скоро разрѣзано, онъ не упрекнетъ себя за то, что далъ напрасно рѣзать. Не знаю, какъ вы, а я испытывалъ съ докторомъ, мучившимъ по моей просьбѣ людей, близкихъ моему сердцу, точь-въ-точь то же самое.

Ланцетъ и таинственная бѣлесовая склянка съ сулемой и слова: чильчакъ, почечуй, спущать кровь, матерею и т. п. — развѣ не тѣ же нервы, ревматизмы, организмы и т. п. *Wage du zu iren und zu trauen* — это не столько къ поэтамъ относится, сколько къ докторамъ и коноваламъ“.

Доктора, выведенные Толстымъ, нерѣдко ошибались въ своихъ предсказаніяхъ объ исходахъ болѣзни.

Относительно Анны Карениной утверждали, что надежды нѣтъ (была родильная горячка), и она умретъ, а... она поправилась.

Про раненаго князя Андрея, д-ръ Ларрей, лейбъ-медикъ Наполеона, сдѣлалъ заключеніе: „это—субъектъ нервный и желчный, онъ не выздоровѣетъ“. Князь же выздоровѣлъ.

— „Докторъ сказалъ, что больной не можетъ жить дольше трехъ дней, *но развѣ они могутъ знать*“, говорила Кити во время болѣзни брата Левина. На этотъ разъ предсказаніе доктора было вѣрно, такъ же какъ было вѣрно то, что сказалъ д-ръ Лорренъ на вопросъ иѣмца-доктора о князѣ Безуховѣ: дотянется-ли онъ до завтрашняго утра?

— „Сегодня ночью не позже“, произнесъ Лорренъ тихо, съ приличной улыбкою самодовольства въ томъ, что ясно умѣеть понимать и выражать положеніе больного.

Не остались у Толстого безъ вниманія и внѣшніе приемы, примѣняемые нѣкоторыми врачами въ обращеніи съ больными.

— „Докторъ—свѣжій, бодрый, жирный, веселый, съ тѣмъ выраженіемъ, что вотъ вы тамъ чего-то напугались, а мы сейчасъ вамъ все устроимъ. Докторъ знаетъ, что это выраженіе здѣсь не годится, но онъ уже разъ навсегда надѣлъ его и не можетъ снять, какъ человѣкъ съ утра надѣвшій фракъ и ѣдущій съ визитами“ („Смерть Ивана Ильича“).

— „Докторъ, лѣчившій Пьера и навѣщавшій его каждый день, несмотря на то, что по обыкновенію докторовъ, считалъ своимъ долгомъ имѣть видъ человѣка, каждая минута котораго драгоценна для страждущаго человѣчества, засиживался часами у Пьера, рассказывая свои любимыя исторіи и наблюденія надъ нравами больныхъ вообще и въ особенности дамъ“ („Война и Миръ“).

— „Пріѣхалъ молодой, болтливый, только что кончившій курсъ студентъ, земскій врачъ. Онъ рассказывалъ... чтобы высказать свой просвѣщенный взглядъ на вещи, всѣ уѣздныя сплетни, жалуюсь на дурное положеніе земскаго дѣла.

— „Онъ очень не глупый малый“,—говорилъ послѣ его отѣзда Сергѣй Ивановичъ, братъ Левина“ („Анна Каренина“).

Въ „Набѣгъ“ раненаго прапорщика докторъ спрашиваетъ „съ одобрительной улыбкой въ шутиливо-небрежномъ тонѣ“, чѣмъ удивляетъ и обижаетъ его.

Ивану Ильичу на вопросъ, опасна-ли его болѣзнь, докторъ рѣзко отвѣчаетъ: „я уже вамъ сказалъ то, что считалъ нужнымъ и удобнымъ; дальнѣйшее покажетъ изслѣдованіе“, и докторъ поклонился.

— „Будьте покойны, графиня, —говоритъ шутиливо докторъ матери Наташи, въ мякоть руки ловко подхватывая золотой,— скоро опять запоетъ и зарѣзвится“ (т. е. Наташа).

IX.

Вотъ какъ относились къ врачамъ больные и здоровые люди, описанные Л. Н. Толстымъ, вотъ какіе отзывы о врачахъ слышимъ изъ устъ этихъ людей, какое мнѣніе выражаетъ о нихъ самъ Толстой.

Кити раздрожается деликатнымъ распросомъ знаменитаго доктора. Раненый прапорщикъ оскорбляется весело-шутливымъ тономъ перевязавшаго его врача. Иванъ Ильичъ, сильно страдающій и отчаявшійся въ выздоровленіи, не спускалъ съ доктора озлобленнаго взгляда и говорилъ: оставьте меня.

Шарлатаны, пустобрехи, болтуны, сплетники, мерзавцы, развратители общества, вносящіе въ міръ нравственное растлѣніе! Выдумывающіе разныя штуки, чтобы было за что деньги брать! Свѣжіе, бодрые, жирные, веселые, шутливо-небрежные передъ страданіемъ людскимъ, рѣзкіе и грубые передъ несчастьемъ—болѣзنیю человѣка! Часто ошибающіеся, да что они могутъ знать вообще, тѣ же коновалы, что и Поликунка....

Эта характеристика и отзывы нельзя сказать, чтобы были лестны для врачей!... но справедливы-ли они и всегда-ли отвѣчаютъ дѣйствительности?

Въ изображеніи Толстымъ отношенія къ врачамъ пациентовъ есть много жизненной правды, много фотографической точности.

Разнообразныя обвиненія сыпятся на голову врачей, какъ изъ рога изобилія людскаго недовольства врачами и медициной, но... всегда-ли врачи повинны въ этихъ обвиненіяхъ и должны каяться въ тѣхъ прегрѣшеніяхъ, какія имъ приписываетъ общество и отдѣльные члены его?..

Я боленъ и медицина должна меня вылечить, разсуждаетъ больной человѣкъ; если болѣзнь не поддается леченію и не проходитъ,—виновать докторъ; и эта вина за докторами будетъ числиться до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать неизлѣчимыя болѣзни и смерть....

На страницахъ сочиненій Толстого во многихъ мѣстахъ, рисующихъ врачей въ ихъ дѣятельности, стоитъ обвиненіе врачей въ недостаточномъ сочувствіи къ страданіямъ больныхъ и отсутствіи сердечности; такое отсутствіе сердечности замѣняется внѣшней любезностью, шутливымъ тономъ. Толстой это, видимо, подчеркиваетъ и осуждаетъ за это врачей.

Сердечный врачъ близко принимающій къ сердцу горе и страданіе своего пациента, есть *идеалъ* врача, передъ которымъ всѣ преклоняются. Что же удивительнаго, что въ этой области, какъ и въ другихъ, идеалы встрѣчаются не такъ часто, какъ бы хотѣлось.

Внѣшнія качества, усваиваемыя врачами въ отношеніи пациентовъ, въ особенности извѣстнаго круга, являются требованіемъ и условіемъ самого общества, какъ фракъ во время визитовъ въ томъ-же обществѣ.

Въ „Войнѣ и Мирѣ“ есть интересное мѣсто: въ Москвѣ былъ докторъ „огромный ростомъ, красавецъ, любезный какъ французъ и, какъ говорили всѣ въ Москвѣ, врачъ необыкновеннаго искусства—Метивье. Онъ былъ принятъ въ домахъ высшаго общества не какъ докторъ, а какъ равный“.

И до сихъ поръ докторовъ принимаютъ въ извѣстныхъ кругахъ только лишь какъ докторовъ, а не равныхъ.

Описаніе Толстымъ внѣшнихъ качествъ врачей составляетъ лучшія мѣста тѣхъ страницъ, гдѣ говорится о врачахъ: читая эти мѣста, видишь, что во лжи взаимныхъ отношеній врача и пациента виновать не только первый, „въ мякоть руки ловко подхватывающій золотой“, но и второй, не видящій разницы между коноваломъ Поликеемъ и какимъ-нибудь знаменитымъ врачомъ. А что эта разница есть, доказывать едва ли нужно!

Неужели у Толстого нѣтъ указаній на положительныя качества врача? не изображено ни одного доктора съ хорошей, симпатичной стороны?—можетъ быть спроситъ читатель.

Наталя Николаевна писала въ письмѣ („Дѣтство“):

„Когда у меня былъ жаръ и бредъ, добрый старый Иванъ Васильевичъ (докторъ) цѣлую ночь, не смыкая глазъ, просидѣлъ около моей постели“...

Перевязка князя Андрея на Бородинскомъ сраженіи:

— „Какъ только князь Андрей открылъ глаза, докторъ нагнулся надъ нимъ, молча поцѣловалъ его въ губы и поспѣшно отошелъ“...

Иванъ Васильевичъ былъ домашній врачъ добраго, стараго времени. Неудивительно, что онъ сидѣлъ у постели Натали Николаевны цѣлую ночь: онъ былъ своимъ человѣкомъ.

Представьте-же себя перевязочный пунктъ на Бородинскомъ сраженіи: масса раненыхъ, доктора работаютъ безъ отдыха, не покладая рукъ, перевязывая и дѣлая операциі... и въ такой обстановкѣ находится врачъ, который послѣ операциі неизвѣстнаго ему офицера такъ тронуть его положеніемъ, что цѣлуетъ его.

Этотъ эпизодъ почему-то не такъ оттъненъ въ „*Войны и Миръ*“, какъ обращеніе докторовъ при описаніи болѣзни Наташи, Кити, Ивана Ильича и друг., а потому можетъ остаться незамѣченнымъ читателями.

Я полагаю, что герои Толстого были недостаточно объективны къ врачамъ въ своихъ отзывахъ и заключеніяхъ.

Врачи изображены, преимущественно, съ той стороны, съ которой, обычно, смотрятъ на нихъ многіе. А эта точка зрѣнія, установившаяся на врачей въ обществѣ, невѣрна въ отношеніи ихъ профессиональных обязанностей и несправедлива въ отношеніи ихъ личныхъ качествъ.

Толстой, какъ и многіе другіе, хочетъ видѣть во врачахъ *идеальныхъ* служителей страждущаго человѣка, добрыхъ, сердечныхъ, безкорыстныхъ, любвеобильныхъ...

Встрѣчая же въ жизни врачей, хотя и добросовѣстно относящихся къ своимъ обязанностямъ, но не отвѣчающихъ *всцѣло* такому идеалу, Толстой и его герои осуждаютъ ихъ, высмѣиваютъ и негодуютъ на нихъ.

Больше-ли виноваты врачи въ своихъ недостаткахъ, чѣмъ другіе дѣятели и другіе люди вообще?

Пусть подумаетъ объ этомъ и чистосердечно отвѣтитъ себѣ каждый, прежде чѣмъ поднять и бросить камень во врача.

X.

Въ философскихъ и публицистическихъ статьяхъ Толстого мы также находимъ мнѣніе его о медицинѣ.

Изъ нихъ укажемъ на слѣдующее.

Говоря о наукѣ въ статьѣ „*о назначеніи науки и искусства*“, Толстой пишетъ:

„Въ еще худшемъ положеніи находится врачъ. Его воображаемая наука вся такъ поставлена, что онъ умѣетъ лѣчить только тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ. Ему нужно безчисленное количество дорогихъ приспособленій, инструментовъ, лекарствъ и гигиеническихъ приспособленій.

Онъ учился у знаменитостей въ столицахъ, которыя держатся пациентовъ только такихъ, которыхъ можно лѣчить въ клиникѣ или которые, лѣчася, могутъ купить необходимыя для лѣкарства машины и даже переѣхать сейчасъ съ сѣвера на югъ и на такія или другія воды. Наука ихъ такова, что всякій земскій врачъ плачется на то, что нѣтъ средствъ лѣчить рабочій народъ, что онъ такъ бѣденъ, что нѣтъ средствъ

поставить больного въ гигиеническія условія, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же врачъ жалуется на то, что нѣтъ больницъ и что онъ не успѣваетъ: ему нужно помощниковъ, еще докторовъ и фельдшеровъ; что же выходитъ? Выходитъ то, что главное бѣдствіе народа, отъ котораго происходятъ и распространяются и не излѣчиваются болѣзни,—это недостаточность средствъ для жизни. И вотъ наука, подъ знаменемъ раздѣленія труда, призываетъ своихъ борцовъ на помощь народу. Наука вся пристроилась къ богатымъ классамъ и своею задачей ставитъ, какъ лѣчить тѣхъ людей, которые все могутъ достать себѣ, и посылаетъ лѣчить тѣхъ, у которыхъ ничего нѣтъ лишняго, тѣми же средствами. Но средствъ нѣтъ, и потому надо ихъ брать съ народа, который болѣетъ и заражается, а не вылѣчивается отъ недостатка средствъ.

Вотъ и говорятъ защитники медицины для народа, что теперь еще это дѣло мало развилось. Очевидно, что мало развилось, потому что если бы, избави Богъ, оно развилось, и на шею народа вмѣсто 2-хъ докторовъ, акушеровъ и фельдшеровъ въ уѣздѣ посадили бы 20, какъ они хотятъ этого, то половина народа перемерла-бы отъ тяжести содержанія этого медицинскаго штата и скоро-бы лѣчить некого было.

Научное содѣйствіе народу, про которое говорятъ защитники науки, должно быть совсѣмъ другое. И то содѣйствіе, которое должно быть, еще не начиналось. Оно начнется тогда, когда человѣкъ науки, техники или врачъ, не будетъ считать законнымъ брать отъ людей, не говорю уже сотни тысячъ, а даже скромные 1000 или 500 рублей за свое содѣйствіе имъ, а будетъ жить среди трудящихся людей въ тѣхъ-же условіяхъ и такъ-же, какъ они, и тогда будетъ прикладывать свои знанія къ вопросамъ механики, техники, гигиены и лѣченія рабочаго народа. Теперь-же наука, кормящаяся на счетъ рабочаго народа, совершенно забыла объ условіяхъ жизни этого народа, игнорируетъ (какъ она выражается) эти условія и пресерьозно обижается, что ея воображаемыя знанія не находятъ приложенія къ народу.

Область медицины, какъ область техники, лежитъ еще непочатая. Всѣ вопросы о томъ, какъ лучше раздѣлять время труда, какъ лучше питаться, чѣмъ, въ какомъ видѣ, когда, какъ лучше одѣваться, обуваться, противодѣйствовать сырости, холоду, какъ лучше мыться, кормить дѣтей, пеленать и т. п. именно, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится рабочій народъ,—всѣ эти вопросы еще не поставлены....“

„Учителя,—какъ техники и врачи,—невольны лнуть къ деньгамъ“.

Въ предисловіи къ статьѣ Карпенгера „современная наука“ читаемъ:

„А медицина? Вы забываете благотѣльные успѣхи медицины? А прививки бактерій? А теперешнія операціи?—восклицаютъ, какъ обыкновенно, защитники науки въ послѣдней инстанціи, въ доказательство плодотворности всей науки, выставя успѣхи медицины.—Мы можемъ прививкой предохранять отъ болѣзни и излѣчивать, можемъ безболѣзненно дѣлать операціи, разрѣзать внутренности, очищать ихъ, можемъ выправлять горбы,—говорятъ, обыкновенно, защитники науки, почему-то полагая, что вылѣченное отъ дифтерита одно дитя изъ тѣхъ дѣтей, которые безъ дифтерита нормально мрутъ въ Россіи въ количествѣ 50% и въ количествѣ 80% въ воспитательныхъ домахъ, должно убѣдить людей въ благотворности науки вообще.

Строй нашей жизни таковъ, что не только дѣти, но большинство людей отъ дурной пищи, непосильной, вредной работы, дурныхъ жилищъ, одежды, отъ нужды не доживаютъ половины тѣхъ лѣтъ, которыя они должны бы жить; строй жизни таковъ, что дѣтскія болѣзни, чахотка, сифилисъ, алкоголизмъ захватываютъ все больше и больше людей, что большая доля трудовъ людей отбирается отъ нихъ на приготовленія къ войнѣ, что каждая десятая—двадцать лѣтъ миллионы людей истребляются войной, и все это происходитъ отъ того, что наука, вмѣсто того, чтобы распространять между людьми правильныя, религіозныя, нравственныя и общественныя понятія, вслѣдствіе которыхъ сами собой уничтожились-бы всѣ эти бѣдствія, занимается, съ одной стороны, оправданіемъ существующаго порядка, съ другой—игрушками; и намъ въ доказательство плодотворности науки указываютъ на то, что она исцѣляетъ одну тысячную тѣхъ больныхъ, которые и заболѣваютъ-то только отъ того, что наука не исполняетъ свойственнаго ей дѣла.

Да если бы хоть малую долю тѣхъ усилій, того вниманія и труда, которые кладетъ наука на тѣ пустяки, какими она занимается, она направила на установленіе среди людей правильныхъ религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ, даже гигиеническихъ понятій, не было бы сотой доли тѣхъ дифтеритовъ, маточныхъ болѣзней, горбовъ, исцѣленіемъ которыхъ такъ гордится наука, производя эти исцѣленія въ своихъ клиникахъ, роскошь устройства которыхъ не можетъ быть распространена на всѣхъ“.

Не будемъ разбирать подробно это мнѣніе Л. Н. Толстого о медицинской наукѣ—опровергать или доказывать его: тогда намъ

пришлось-бы коснуться и всѣхъ его возрѣній на науку вообще, а это совершенно не входитъ въ нашу задачу.

Не можемъ лишь не остановиться на тѣхъ ходячихъ обвиненіяхъ, которыя часто приходится слышать въ обществѣ, и справедливость которыхъ находить нѣкоторые во взглядахъ Толстого на медицинскую науку.

— Что можетъ сдѣлать ваша медицина для народа,—нерѣдко говорятъ,—при теперешнихъ условіяхъ его жизни? Развѣ можетъ лекарственное леченіе сократить смертность и уменьшить болѣзни, причины которыхъ глубокія—экономическія, социальныя, бытовыя?

Совершенно вѣрно! По вѣдь на эти причины всегда указывали и продолжаютъ указывать врачи. Народное невѣжество, бѣдность, отсутствіе сносныхъ, гигиеническихъ условій, неправильность труда... на все это давнымъ давно обращено вниманіе врачей. Прочтите медицинскіе журналы; вслушайтесь въ постановленія врачебныхъ съѣздовъ—уѣздныхъ, губернскихъ, Пироговскихъ; познакомьтесь съ работами врачебно-санитарныхъ организацій земскихъ и городскихъ, и—вы увидите, что не только пилюлями, каплями, мазями предлагаютъ врачи бороться съ бичами народными—чахоткой, сифилисомъ, алкоголизмомъ, трахомой, дѣтской смертностью, голодомъ и т. п.

Врачебная корпорація не мало дала въ прошломъ и, вѣроятно, еще дастъ изъ своей среды дѣятелей и борцовъ за лучшее санитарное положеніе народа.

Одинъ изъ историковъ медицины *Guardia* говоритъ: „медицина, въ лицѣ самыхъ извѣстныхъ своихъ представителей, занималась *всеми* социальными вопросами и ничто человеческое не осталось ей чуждо“.

XI.

Нѣкоторыя мысли Л. Н. Толстого изъ его „*Круга чтенія*“:

29 Апрѣля.

Болѣзнь есть одно изъ состояній, въ которомъ можетъ находиться человѣкъ во время жизни, и силы его должны быть направлены не на то, какъ выйти изъ того положенія, въ которомъ онъ находится, а какъ наилучшимъ образомъ прожить въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится.

5.

Для себя только, для служенія себѣ нужно побольше здоровья, силы, а для служенія Ему (Богу) не только не нужно, но часто—напротивъ.

6.

Какъ часто, имѣя дѣло съ больными, мы забываемъ то, что главное, что нужно больному, это не скрываніе отъ него приближающейся смерти, а, напротивъ, призваніе его къ сознанію своей духовной, растущей божественной природы, не подлежащей уменьшенію или смерти.

6 Октября.

Болезни—естественное явленіе, и надо, предвидя ихъ, умѣть обращаться съ ними.

2.

Когда больной перестаетъ жить и всю жизнь сосредоточиваетъ на леченіи, ему гораздо выгоднѣе-бы было, не только при неизлечимой болѣзни, но и при болѣзняхъ излечимыхъ, не обращая вниманія на болѣзнь, жить обыкновенной жизнью, которая, если-бы даже и сократилась отъ этого (что всегда сомнительно), была-бы жизнью, а не постояннымъ страхомъ и заботой о своемъ тѣлѣ.

3.

Итъ такой болѣзни, которая-бы мѣшала исполнять долгъ человѣка. Не можешь служить людямъ трудами, служи примѣромъ любовнаго терпѣнія.

5.

Изреченіе Гиппократъ о томъ, что основное условіе леченія то, чтобы оно не вредило, часто не примѣняется и по отношенію къ тѣлу; по отношенію-же къ душѣ никогда не примѣняется.

Правило не вредить тѣлу не соблюдалось при прежнихъ кровопусканіяхъ, не соблюдается и теперь при операціяхъ,

при приниманіи ядовитыхъ лѣкарствъ и многого другого. О вредѣ-же душѣ, всегда сопутствующемъ всякому леченію, никто не думаетъ и не понимаетъ. А между тѣмъ, вредъ этотъ состоитъ въ оправданіи самаго грубаго эгоизма: требованія служенія себѣ вмѣсто своего служенія людямъ.

Не бойся болѣзни, бойся леченія, и леченія не въ смыслѣ вредныхъ лекарствъ, а, главное, леченія въ смыслѣ признанія себя больнымъ и потому освобожденнымъ отъ нравственныхъ требованій.

XII.

Вотъ главнѣйшія мѣста изъ сочиненій Л. Н. Толстого, гдѣ онъ изображаетъ врачей, гдѣ высказываетъ свое мнѣніе о врачахъ и медицинѣ.

Мы не можемъ согласиться, какъ говорили выше, со многими взглядами Толстого на этотъ вопросъ; не можемъ раздѣлить его мнѣнія на врачебную науку; не можетъ принять его объясненій относительно дѣйствія медицинскаго леченія на больныхъ...

Но мы должны признать, что тѣ страницы, гдѣ выводятся Толстымъ врачи и больные, читаются съ огромнымъ интересомъ: изображаемая лица, благодаря художественному изображенію автора, стоятъ передъ нами какъ живыя, со всѣми ихъ качествами, и вызываютъ насъ на многія размышленія, сравненія и выводы.

Нѣкоторые большіе поклонники медицины и, въ особенности, врачи возмущаются и негодуютъ на тѣ отзывы о врачахъ и взгляды на медицину, которые находятъ въ сочиненіяхъ Толстого.

Мы думаемъ, они не правы.

Вересаевъ говоритъ („Записки врача“): „одно изъ главныхъ достоинствъ Толстого, какъ художника, заключается въ поразительно-человѣчномъ и серьезномъ отношеніи къ каждому изъ рисуемыхъ имъ лицъ; *единственное* исключеніе онъ дѣлаетъ для врачей: ихъ Толстой не можетъ вывести безъ раздраженія и почти тургеневскаго подмигиванія читателю“ (стр. 159).

Можно не соглашаться съ этими взглядами Толстого, но возмущаться и негодовать, намъ кажется, нѣтъ причинъ и вотъ почему.

Взгляды Толстого на врачей и медицину говорят лишь о томъ, что онъ хотѣлъ видѣть во врачахъ—совершеннѣйшихъ въ моральномъ отношеніи служителей ближняго, а въ медицинѣ—полезнѣйшую для человѣчества, съ его точки зрѣнія, отрасль знанія.

Положеніе-же и состояніе этой науки и нѣкоторые служители ея не удовлетворяли взглядамъ Толстого, какъ не удовлетворяло его состояніе многого другого въ жизни.

Въ статьѣ „*Трудъ, смерть и болѣзнь*“ Толстой разсказываетъ индѣйскую легенду, по которой Богъ наслалъ на людей болѣзнь, чтобы они поняли, „что здоровымъ надо жалѣть больныхъ и помогать имъ, съ тѣмъ чтобы, когда они будутъ больны, здоровые помогали имъ“. Но люди этого не поняли, и долго не понимали; только въ самое послѣднее время нѣкоторые изъ нихъ стали понимать, что „болѣзнь должны быть причиной любовнаго общенія между людьми“.

Тѣмъ болѣе въ такомъ любовномъ общеніи должны быть: врачъ—съ больными, больные—съ врачомъ.

Если-бы такое любовное общеніе существовало, Толстой, вѣроятно, не осудилъ-бы врачей и не написалъ-бы того, что приведено здѣсь изъ его произведеній.

